

На правах рукописи

Синицына Светлана Юрьевна

ЛИРИКА АНТОНА КУНГУРЦЕВА: ПОЭТИКА И КОНТЕКСТ

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Тюмень – 2012

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
Эртнер Елена Николаевна

Официальные оппоненты: **Литовская Мария Аркадьевна**
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русской литературы XX и XXI вв. Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

Галактионова Нелли Анатольевна
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры менеджмента социально-культурной деятельности Тюменской государственной академии культуры, искусств и социальных технологий

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет» (национальный исследовательский университет)

Защита состоится «30» марта 2012 года в 12:30 часов на заседании диссертационного совета Д 212. 274. 09 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата филологических наук при ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет» по адресу: 625003, г. Тюмень, ул. Республики, 9, ауд. 211.

С диссертацией можно ознакомиться в Информационно-библиотечном центре ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет».

Автореферат разослан « ____ » _____ 2012 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук,
доцент

Светлана Михайловна Белякова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Постановка проблемы и актуальность темы исследования

Диссертационная работа посвящена исследованию творчества тюменского поэта и публициста 1920-х годов Антона Кунгурцева. Известный русский литературовед, д.ф.н. С.В.Тураев, лично знавший Антона Кунгурцева и высоко ценивший талант тюменского поэта, стал инициатором изучения его творчества, всемерно поддержав предпринятое нами диссертационное исследование.

В последние десятилетия в отечественной науке наблюдается актуализация интереса к отечественной регионалистике, к «биографии местности», явленной в творчестве писателей того или иного края России. Такие исследования, с одной стороны, воссоздают уникальный культурный облик конкретной местности, позволяя региону «обрести свое лицо» в исторической ретроспективе, с другой – добавляют штрихи к картине развития общерусской литературы, несомненной частью которой является любая региональная подсистема.

Актуальность работы обуславливается недостаточной изученностью тюменской литературы 1920-х годов: на сегодня обозначены лишь ее контуры, известно очень мало имен, художественных текстов, сведения о литературных организациях также фрагментарны и не систематизированны. Данные, полученные автором в процессе изучения документов тюменских и свердловских архивов эпохи 1920-х годов, ценны для восстановления картины культурной жизни региона и систематизации представлений о путях развития литературы края.

Культурная самоидентификация регионов происходит через новое осмысление или открытие своего литературного прошлого. Для Тюмени процесс обретения своего лица оказался сложным и неоднозначным – этому способствует само географическое положение города. Тюмень находится в Сибири, однако в той ее части, которая максимально приближена к другой богатой смыслами области – к Уралу. «Пограничное» положение затрудняет

самоидентификацию региона – в разные периоды истории Тюмень «притягивалась» то к одному, то к другому культурному полю. Данное исследование вносит свою лепту в восстановление целостности культурного пространства региона.

Творчество Антона Кунгурцева рассматривается в сопоставлении с современным ему литературным окружением, тем самым в работе исследуется литературная жизнь Урала и сибирского Зауралья двадцатых годов XX века. Актуальность исследования заключается в обращении к конкретным историко-литературным сведениям, архивным документам и творчеству уральских поэтов 1920-х годов.

Актуальность работы мотивирована и теоретическим аспектом исследования: лирика Антона Кунгурцева анализируется с точки зрения конфликтности художественного мышления, проявляющейся на разных уровнях структуры произведений. Такой подход сегодня актуален, поскольку литературоведение активно ищет способы адекватного описания регионального текста в его различных реализациях.

Расширить географические рамки и рассмотреть А. Кунгурцева именно как поэта Урала и сибирского Зауралья побуждают две причины. Во-первых, А. Кунгурцев в качестве секретаря Тюменского отделения пролетарских писателей был связан с «вышестоящим» уральским отделением. Во-вторых, он печатался не только в тюменских, но и в свердловских газетах, посещал собрания УралАПП – принимал активное участие в литературной жизни региона. На протяжении большей части своей истории Тюмень тяготела к культурному полю Сибири. Однако в 1920-е годы в результате первой советской реформы по укрупнению регионов возникли новые административно-территориальные единицы, в том числе в 1923 году появилась Уральская область, в состав которой вошла Тюмень.

В работе мы ориентируемся на исследовательскую традицию включения творчества писателей Тюменского края в контекст литературного процесса Урала (концепция академического издания «История литературы Урала»

(Екатеринбург, 2005), сайта «Литература Урала: исследования») и на опыт рассмотрения творчества тюменских писателей разных веков (от XVIII до XXI вв.) как авторов «сибирского Зауралья» (Ю.А. Мешков «Очерки литературы сибирского Зауралья. Тюменские тетради». 2010). Термин «сибирское Зауралье», с одной стороны, фиксирует связь Тюмени с Уралом и Сибирью; с другой, – не позволяет региону «раствориться» в столь широком пространстве, обозначая его самобытность.

Объектом исследования является творчество тюменского поэта Антона Кунгурцева (1901 – 1930), которое полностью пришлось на 1920-е годы (1924-м годом датировано первое известное нам стихотворение, в начале 1930-го поэт был арестован и расстрелян по ложному обвинению). В объект исследования включены 46 стихотворений А. Кунгурцева: 14 из них были опубликованы Р.С.Гольдбергом в «Книге расстрелянных» (Тюмень, 2004), 32 стихотворения напечатаны в тюменских и свердловских газетах 1920-х годов, а также рассказ «Напролет» («Красное знамя»). Также включены произведения пролетарских и новокрестьянских поэтов, в том числе стихотворения поэтов Урала и сибирского Зауралья 1920-х годов, представленные на страницах уральских газет того времени и в сборниках В.Н. Голдина «Поэзия периода военного коммунизма, НЭП и первой пятилетки в периодической печати Урала».

Предметом исследования является поэтика творчества Антона Кунгурцева в соотнесенности с региональным и общерусским литературным контекстом.

Новизна диссертационной работы заключается в том, что в ней впервые рассматривается лирика Антона Кунгурцева. Кроме того, это первый опыт исследования творчества тюменского поэта 1920-х годов. Из разных источников впервые собран корпус текстов, многие из которых были опубликованы только на страницах периодической печати в 1920-е годы; систематизирована информация о биографии поэта, о литературной ситуации в регионе. Впервые было проведено исследование архивных материалов, включающих информацию о деятельности Тюменской ассоциации

пролетарских писателей. Творчество А. Кунгурцева исследуется в контексте как общерусской, так и региональной литературы 1920-х годов.

Цель диссертационной работы – изучение индивидуальной поэтики Антона Кунгурцева и выявление места творчества поэта в литературном пространстве 1920-х годов. Незнученность объекта исследования предполагает, в первую очередь, описание произведений А. Кунгурцева как целостной художественной системы на разных уровнях ее структуры.

Реализация поставленной цели потребовала выполнения **задач**:

- Реконструировать биографию поэта, установить максимально возможное количество написанных им стихотворений, статей, рецензий и др.
- Исследовать своеобразие литературной ситуации Урала и сибирского Зауралья 1920-х годов.
- Проанализировать природу конфликтности авторского сознания и способы ее художественной репрезентации в лирике Антона Кунгурцева на разных уровнях структуры произведения: тематики, образности, мотивов, мелодики, рифмы, речевого штампа и его поэтической метаморфозы и др.
- Выявить место лирики А. Кунгурцева в контексте общерусской пролетарской и новокрестьянской поэзии, поэзии Урала и сибирского Зауралья 1920-х годов и искусства художественного «примитива».

Теоретико-методологическая основа. Теоретической базой исследования стали труды отечественных литературоведов – практиков и теоретиков в области изучения лирического произведения и литературного процесса 1920-х гг.: Ю. Лотмана, С. Аверинцева, М. Гаспарова, Р. Якобсона, М. Гиршмана, В. Альфонсова, Е. Баевского, Д. Ивлева, Б. Кормана, Л. Гинзбург, И. Смирнова, М. Эпштейна, Д.Московской, Е.Пономаревой и др.; работы начала 1920-х гг., актуализирующие проблему отношения к внелитературному ряду: Б. Эйхенбаума, Ю. Тынянова, Б. Томашевского.

Несомненно, ценными для хода исследования оказались работы И. Розанова, Г. Винокура, Л. Быкова, М. Абашевой, посвященные проблемам

литературной репутации и самоидентификации писателя; а также работы, связанные с изучением искусства «художественного примитива»: В. Прокофьева, О. Балдиной, А. Корниловой и особенно – Л. Деменковой, поскольку проблема в ее исследовании рассматривается на материале лирики сибирского поэта Т. Белозерова.

Анализируя феномен творчества А. Кунгурцева в контексте литературной ситуации, мы опирались на исследования ведущих ученых в области Урало-Сибирской регионалистики: М. Азадовского, И. Дергачева, Ю. Мешкова, В. Блажеса, Н. Лейдермана, Б. Чмыхало, В. Абашева, М. Абашевой, Л. Быкова, М. Литовской, И. Васильева, Е. Созиной, Т. Снигиревой, В. Рогачева, Г. Данилиной, Н. Рогачевой, С. Комарова, О. Петровой, Е. Эртнер и др.

В основу работы положена следующая гипотеза. В творчестве Антона Кунгурцева ярко проявлены две наиболее значимые для литературного процесса 1920-х годов традиции: пролетарско-романтическая и онтологическая (новокрестьянская). При этом доминантные темы этих поэтических течений – пролетарская и онтологическая – в лирике А. Кунгурцева противостоят друг другу, вступают в спор, находятся в состоянии, подчас, непримиримого конфликта: сталкиваются разные миры, системы ценностей, представления о назначении поэта и поэзии. Провинциальный поэт, деревенский житель, пытающийся «стать своим» в городе (как автор, так и лирический субъект), переживает не только «физический» переезд из одного пространства в другое, но и некий метафизический «перенос» из одной культурной парадигмы в другую.

Кроме того, А. Кунгурцев оказывается перед выбором: разделить судьбу провинциального поэта (следовать своей теме, творческой задаче воссоздания образа сибирского Зауралья, но и осознавать угрозу неостребованности, грядущего забвения) или ориентироваться только на традицию русской литературы, ее официальную линию в поэзии 1920-х гг. Писательская стратегия Антона Кунгурцева – быть пролетарским поэтом, переехать в Москву: попытка переделать себя, подчинить свое «я» требованиям времени, в определенной

степени, социальному заказу и порождает в итоге внутренне **конфликтный тип письма**, в основе которого – противостояние тем, стихотворений «для газеты» и «рукописной тетради», разных редакций одного текста – для «тюменской» или для «свердловской газеты», использование речевых штампов, а с другой стороны, стремление к их поэтической метаморфозе и др.

Исследование данного художественного феномена требует особого подхода. В этой связи основой интерпретации лирики А. Кунгурцева в работе является категория **конфликтности авторского сознания провинциального писателя**, предложенная Г. Данилиной и Е. Эртнер в статье «Писатель и его край: онтологический конфликт как научная проблема». Исследователи обосновывают конфликтность разнонаправленных тенденций, определяющих авторское сознание провинциального художника: «Провинциальный автор входит в обособленный мир духовной культуры собственного края, а с другой стороны, он участвует в общенациональной литературной традиции <...> авторское сознание проявляет себя в конфликте между писательским «я», изначально тяготеющим к творческой свободе, и самим этим краем как непроницаемой «вещью в себе», тем самодовлеющим началом, которое ставит под вопрос саму возможность свободы от этого края».

Концептуально значимыми для нашего исследования являются принципы тематизации авторского сознания, рассматриваемые на материале романа Д.Н. Мамина-Сибиряка «Черты из жизни Пепко» (1894). Герой Мамина – провинциальный писатель, мечтающий завоевать Москву, «мучительно пытается найти свое место в русской литературе, избежать подражательности»: он чувствует свою неразрывную связь с провинцией, но «хотел бы считать ее своим биографическим прошлым». В конце романа Мамин возвращает своего героя в провинцию, и только здесь он осознает, что «все неурядицы его путешествия за всероссийской славой имеют одну причину» – герой отказался «от своей темы» и «умения рассказать о своем»: «Журналы могут не печатать, публика не читать, критики разносить, все это может быть одной случайностью, а важно только одно... Автор начинается только там, где

начинает проявлять «СВОЕ Я», где несет СВОЕ новое» (выделено Маминым – С.С.).

Важно понимание, что разрешение конфликта возможно только в случае преодоления художником позиции стороннего наблюдателя, и тогда провинциальность постепенно осознается писателем только как часть того неоднозначного мира, создающего авторское сознание: «Творческую индивидуальность провинциального писателя <...> определяют художественные принципы и приемы воплощения взаимосвязи его «я» и «края». Таким образом, продуктивность категории определяется тем, что с ее помощью могут быть раздвинуты методологические границы литературоведения – актуализируется экзистенциальная составляющая художественного творчества: «Конфликт писателя и края неразрешим и в силу этого, как ни парадоксально, эстетически плодотворен, что открывает **опыт жизни** здесь – и условие, и онтологическое измерение творчества провинциального писателя».

Методологически важным для нас является и то, что в статье Г. Данилиной, Е. Эртнер рассмотрена природа онтологического конфликта в литературе Тюменского края, где «... внутренний конфликт в сознании провинциального автора говорит во весь голос, выходит на поверхность, когда перед писателем возникает вопрос о его собственном пути в литературе». Данный процесс отличает и поэзию изучаемого автора: творческая продуктивность разрешения конфликта создает, по нашему убеждению, сам феномен поэзии Антона Кунгурцева. Этим обусловлена определенная логика и параметры настоящего исследования: выведение в центр двух противоборствующих поэтических тем.

Теоретическая значимость работы заключается во введении в научный оборот нового имени, массива текстов и последовательном закреплении творчества Антона Кунгурцева на историко-литературной карте региона. Кроме того, несомненной теоретической ценностью обладает опыт анализа

произведений поэта в аспекте категории конфликтности авторского сознания провинциального писателя.

Практическая значимость заключается в том, что полученные в ходе исследования данные и выводы могут применяться в учебных курсах по истории русской литературы XX века, в специальных курсах по истории региональной литературы, русской поэзии 1920-х годов. Материалы могут стать важной частью литературных энциклопедий и справочников. Работа является составной частью Федерального целевого проекта «Сибирь в русской поэзии XVIII – XX вв.: пространственный образ в свете исторической поэтики» (2007 – 2011 гг.).

Положения, выносимые на защиту:

1. Поэзия Антона Кунгурцева является целостной художественной системой, репрезентирующей творческую индивидуальность автора.

2. Литературная ситуация в уральском регионе 1920-х гг. во многом отражает тенденции развития общерусского историко-литературного процесса, ее особенностью является то, что практически единственным полем для выхода к читателю стали местные газеты, часто диктующие форму и содержание печатающихся на их страницах произведений.

3. Газета 1920-х годов – специфический текст, в пространстве которого художественное произведение обретает новые смыслы и особую функциональную природу.

4. Конфликтный тип письма в творчестве А. Кунгурцева – особый художественный феномен. Конфликтность авторского сознания провинциального поэта проявляется на всех уровнях поэтики произведения.

5. В творчестве тюменского поэта сталкиваются несколько разнонаправленных интенций (онтологическая и пролетарско-романтическая тенденции поэзии 1920-х гг.; русская классика и провинциальная литература; литература и фольклор), что и определяет место Антона Кунгурцева в литературном процессе 1920-х годов.

Апробация работы. Основные положения диссертации были апробированы на шести научных конференциях: международных научных конференциях «Национальная идентичность и гендерный дискурс в литературе XIX – XX вв.» (Тобольск, 2009) и «Экология языка на перекрестке наук» (Тюмень, 2011); всероссийских научных конференциях: «Духовные основы славянской культуры в народном сознании поколений» (Тюмень, 2009), «Региональные литературные ландшафты: история и современность» (Тюмень, 2007), в том числе всероссийской научной конференции, проводимой УрО РАН «Литература Урала: история и современность» (Екатеринбург, 2009); региональной научной конференции «Художественная литература, критика и публицистика в системе духовной культуры» (Тюмень, 2006). Результаты исследования обсуждались на кафедре русской литературы Тюменского государственного университета. Некоторые части исследования (биография Антона Кунгурцева, тексты его произведений и др.) опубликованы на сайте «Литература Урала: исследования» (www.litural.ru), в создании которого принимают участие исследователи из многих областей Урала и сибирского Зауралья. Результаты диссертационного исследования частично были опубликованы и получили высокую оценку в кн.: «Жизнь длиною в век: Сергей Васильевич Тураев. Воспоминания. О С.В. Тураеве: друзья, коллеги, ученики»: сб. статей / Ред.- сост. Е. Чигарёва. М., 2011. С. 158-160. По теме исследования опубликовано девять работ.

Структура работы определяется целью, задачами исследования, включает введение, три главы, заключение и список литературы.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, научная новизна работы, ее теоретическая значимость и практическая ценность, определяется объект исследования, раскрываются цели и задачи, а также приводятся сведения о биографии и литературной судьбе Антона Кунгурцева, реконструированные с помощью различных источников (архивных материалов, воспоминаний современников и т.д.).

Первая глава «Литературный Урал и сибирское Зауралье в 1920-е гг.»

посвящена описанию литературной ситуации 1920-х годов в регионе, анализу литературно-политических явлений, имевших место на Урале и существенно повлиявших на развитие литературы края. В **первом параграфе** *«Литературные организации Урала и сибирского Зауралья»* рассматривается история основных литературных организаций, возникших на Урале в 1920-е годы. В Свердловске возникали группы, которые причисляли себя к футуристам, пролеткультовцам и т.д. Одним из самых значительных явлений подобного рода была «УЛИТА» – «Уральская литературная ассоциация», которую ряд критиков 1920-х годов и современных исследователей называют уральскими «Серрапионовыми братьями». Однако такие организации существовали недолго, в них входило сравнительно небольшое число писателей и поэтов. Многие из них ко второй половине 1920-х годов оказались членами уральского отделения ВАПП – УралАПП. Эта структура к концу 1920-х гг. практически монополизировала возможные площадки для выхода новых авторов к читателю (в основном это были газеты) и на протяжении всего своего существования была самой влиятельной силой на литературном поле региона. Важно, что УралАПП была создана не по распоряжению «сверху», а возникла на основе консолидации собственных литературных сил региона. Тюменская ассоциация пролетарских писателей (ТАПП) формально была подчинена УралАПП, наряду с пермской, челябинской, тобольской и многими другими. Особой активностью тюменское отделение не отличалось, но его представители входили в состав правления УралАПП, оказывая влияние на формирование литературного облика региона.

Во **втором параграфе** *«Творчество Антона Кунгурцева на страницах газеты «Красное знамя» (Тюмень): газета как текст»* рассматривается специфика функционирования стихотворения в пространстве газеты, проводится анализ редакционной политики тюменской газеты «Красное знамя» (с 1921 г. до декабря 1926 г. – «Трудовой набат»). Газета, являясь официальным партийным изданием, во многом определяла тематику, проблематику и даже

форму публикуемых в ней художественных произведений. Стихотворения, публикуемые на страницах газеты, несомненно, «подчинены» общему тону издания, часто носят агитационный характер и служат наглядной иллюстрацией современной политической ситуации. Об относительной самостоятельности художественных текстов можно говорить лишь применительно к рубрике «Литературная страница», которая была основной площадкой для публикации стихотворений поэтов, входящих в ТАПП: И. Нового, М. Дикого, А. Шеренгина, Д. Ершова, А. Кунгурцева и др.

В помещенном в пространство газеты стихотворении нередко актуализируются новые, скрытые смыслы, не прочитывающиеся в нем, если стихотворение взято вне газетного контекста. С этой точки зрения отношения между стихотворением и газетным номером можно рассматривать как отношения элемента текста и целого. Рассмотрение газеты как текста имеет определенную научную традицию и представляется перспективным в плане изучения специфики функционирования художественного текста в публицистическом издании. В работе рассматривается природа взаимодействия стихотворения с другими материалами, опубликованными в том же номере. Установлено, что наиболее тесными являются взаимосвязи конкретной художественной публикации с другими, прежде всего политическими, социальными и т.д., помещенными на этой же странице (газетная страница как текст). Так, время года, в которое публикуется стихотворение, приобретает большое значение: стихотворения о природе, деревне и сельском труде печатаются в разгар сельскохозяйственных работ (с мая по сентябрь). В сочетании со стихотворением о грядущем урожае сухие заметки о том, сколько десятин засеяно в этом году, вселяли в читателя чувство уверенности в завтрашнем дне и гордость за свой край, дающий стране столько хлеба.

Таким образом, в целом литературная жизнь Урала и сибирского Зауралья в 1920-е годы повторяла путь развития общерусской литературы. Важное отличие состояло в том, что основной площадкой для встречи с читателем служили периодические издания.

Вторая глава «Конфликтность художественного мышления: поэтика лирики Антона Кунгурцева» посвящена анализу художественного мира Антона Кунгурцева, при этом основное внимание уделяется способам репрезентации конфликтности художественного мышления в лирическом тексте. В *первом параграфе* «Пролетарские стихи и лирика природы» рассматривается постоянное переплетение в творчестве А. Кунгурцева двух тем: революции и строительства нового мира, восходящей к традициям пролетарской (комсомольской) поэзии, и темы деревни, родной земли, имеющей своим истоком «почвенную», онтологическую поэзию.

Для двух тематических групп стихотворений характерны различные типы хронотопа. В лирике природы пространство действия и переживания лирического субъекта, как правило, – деревня («село», «деревенская улица», «изба», «горница», «сени» и т.д.), поле («пашня», «межа», «луг зеленый», «жниво», «за соломою тощей»), лес или река («изгиб реки», «роща берез», «омут», «над рекою», «на вечерней стоянке»). Пространство, в котором оказывается лирический субъект, не бывает враждебно ему (так, лес всегда «березовая роща», а не «дремучая чаща»). Излюбленное время суток – вечер, а время года – лето или осень. В «пролетарских» стихах местом действия может оказаться как экзотическая страна или город (Индия, Шанхай, Восток), так и деревня, но непременно революционно преображенная («За новый быт», «Красный уголок» и др.). Временные рамки задаются, как правило, контрастом тяжелого прошлого (гражданская война, унижение и страдание бедноты, социальное неравенство) и светлого будущего.

Тихая грусть или умиротворенное любование окружающим миром, созерцание природы – наиболее характерное лирическое переживание в онтологической поэзии А. Кунгурцева. В пролетарской – лирический субъект, напротив, декларирует активную жизненную позицию. Природа лирического субъекта в поэзии А. Кунгурцева изначально двойственна, конфликтна: это лирическое «я» пролетария (комсомольца) и лирическое «я», восходящее к «почвенной» национальной традиции (крестьянское мироощущение).

Конфликтность авторского сознания проявляется и в том, что лирический субъект никогда не отождествляет себя с жителями деревни. Ни разу он не говорит «мы» о себе и хлебопашцах; лирический субъект всегда стоит немного поодаль, наблюдает и не может позволить себе ощутить подлинное родство с крестьянским миром («Снова у реки я», «На пастбище», «Молотьба»). А. Кунгурцев сознательно стремился стать свердловским, а потом и московским писателем, поэтому в ранних стихотворениях возврат «к сохе» означал отступление от основной цели. Но голос родной земли звучит в душе поэта и погружает его в непонятное душевное томление: «Что мне, что мне плакать / И грустить в закат? / Разве мало в жизни / Песен и отрад?» («Молотьба»). Только когда лирический субъект преступает этот внутренний самозапрет, в его душе воцаряется мир: «Завтра будет мил и сладок / Труд веселый косаря. / Золотистым водопадом / Льется тихая заря» («Вечер на покосе»). Но такие строки в творчестве А. Кунгурцева единичны.

Деревня выступает как идеальный мир, наполненный простыми, но очень важными вещами – красотой родной природы, круговоротом работ в поле, сельскими праздниками: «Длинные косы заката / Вечер закинул за пруд, / Пахнет укропом и мятой, / С поля телята идут» («Вечер»). Этот идеальный мир оказался потерянным для А. Кунгурцева дважды: события революции и последствия гражданской войны совершенно меняют деревню, а затем он сам переезжает в город. Однако стать по-настоящему городским жителем поэту (как и лирическому «я») не удастся, о чем свидетельствует мотивный уровень стихотворения: «Так было когда-то со мною / Далекой ушедшей порой, / Когда я дышал молотьбою, / Ночуя в соломе золотой» («Молотьба»).

В политических стихах лирический субъект А. Кунгурцева, напротив, осознает свою сопричастность новому миру, что усиливает употребление местоимения «мы», «я» почти исчезает. Интересно, что чаще всего лирический субъект видит себя активным участником революционных событий: «Помнит он, как мы стреляли / И отбивали страну» («Телеграфный столб»). Сознание лирического субъекта словно специально не вычленяется из коллективного:

«Нам, идущим к светлой доле...» («Новые стихи»). Но кого А. Кунгурцев хочет убедить в единстве «я» с «новыми людьми»: читателя или себя самого? Поэт вряд ли сознательно рефлексировал по поводу этого постоянного внутреннего противоречия. Да и со стороны казалось, что его жизнь и карьера развиваются в полном соответствии с «революционным путем». Только в ходе следственных мероприятий вдруг выступают на первый план интерес к деревенской жизни, искреннее сочувствие крестьянам и почти прямое обвинение новой власти.

В более поздних политических стихах А. Кунгурцева за лирическим «я» пропагандиста нового строя можно разглядеть деревенского парня, для которого на первом месте – совсем другие ценности. Так, в стихотворении «О допризывнике» юноша идет в армию, как он сам думает, ради идеалов советской власти, но лирический субъект-наблюдатель замечает, что следует ценить и защищать «в золоте ликующую рожь». «Пролетарский» и «крестьянский» поэты в творчестве А. Кунгурцева постоянно вступают в диалог. Однако количественные и качественные характеристики поэзии тюменского автора указывают на то, что «крестьянская» жизнь А. Кунгурцеву ближе, о чем свидетельствует актуализация крестьянского мировоззрения. В свете пролетарской темы идея переоценки ценностей и даже «переделки сознания» – творческая задача, требующая осуществления. В «Новых стихах», обращаясь к матери, переживающей смерть ребенка, говорится: «Нам, идущим к светлой доле, / Надо чувствовать умело, – / Чтобы даже и от боли / Сердце музыкаю пело». При этом субъект не *чувствует*, а лишь *пытается почувствовать* себя частью этого нового общества. Там, где призывы осуществляются от имени «мы», употребляются глаголы либо в сослагательном, либо в повелительном, то есть – в ирреальном наклонении.

В работе выявлено, что в стихах А. Кунгурцева вторжение «города» («цивилизации», «революции») в мир природы часто вызывает ритмический сбой и необоснованное нарушение стихотворной рифмы («Вечер», «Тобольский тракт», «Расстрел» и др.). Такой подход свидетельствует о том,

что, словно помимо воли поэта, текст репрезентирует конфликтное начало, несовместимость двух противоборствующих тем.

В единственном известном нам прозаическом произведении А. Кунгурцева – неоконченном рассказе «Напролет» – моменты, о которых поэт только «проговаривается» в лирике, раскрываются более четко. Сюжет рассказа – внутренний бунт рабочего против введения непрерывной трудовой недели и, как следствие, сведение человека к его «функции» на заводе, «без всякого права на личное время и эмоции». Герой – уже не «я», а «Кузнецов» («отстранение»), на нем, считает писатель, можно апробировать модели поведения, недоступные ни биографическому автору, ни лирическому субъекту. Однако чем заканчивается эта ситуация протеста, остается неизвестным: незадолго до выхода последней части рассказа А. Кунгурцев был арестован и расстрелян.

В стихотворении «Песня Октября», воспевая героизм революционных дней: «Веселятся города и хаты / Радостью веселой Октября», – лирический субъект неожиданно (видимо, и для себя) бросает: «Октябрем разрушена земля». Оправдание этому поэт пытается найти, рассматривая происходящее с позиции «цель оправдывает средства»: «Будет все оправдано грядущим, / В радость возвеличено борьбой». Однако строки звучат неубедительно даже для него самого. И поэтому вместо конкретных картин счастливого будущего читателю предлагаются отдельные символы: «радость Октября», «знамена заалели» и т.д. «Октябрем разрушена земля», поэтому очевидно, что возвращаться лирическому субъекту, по большому счету, некуда.

Мотив неприкаянности, собственной ненужности отчетливо звучит в стихотворении «Радость» вопреки «пролетарской» тематике, событийному ряду и поэтике заглавия. Лирический субъект говорит о сокровенном: «Несу я снова для людей / Мое лирическое пенье». «Лирическое пение» противостоит «музыке нового времени», поскольку в этот момент мимо поэта: «Легко проходят пионеры, / По щебню песни раскидав». Старания поэта не замечены и не оценены, он чужой в новом времени на празднике новой жизни. Трагизм ситуации усиливается, благодаря тому, что лирический субъект не может

осознать свою чуждость; всеми силами он стремится слиться с коллективом – если не сейчас, то в будущем: «В глазах весенней синевы / Сияет будущее наше». Анализ показал, что варьирование близких ситуаций в стихотворениях «О допризывнике», «Стихах о дружбе»; создание двух редакций стихотворений «Ржи цветут», «Тобольский тракт», «Вечер» свидетельствует о преодолении конфликта между двумя способами мировосприятия – пролетарским и крестьянским – в опыте жизни и опыте творчества поэта.

Во *втором параграфе* «Речевой штамп и поэтическая метаморфоза» рассматривается вопрос о художественной и языковой традиции, способах ее усвоения и создания в творчестве Антона Кунгурцева. Присутствие штампов, стертых метафор и образов, в которых автор, преодолевая инерцию восприятия, пытается разглядеть новый смысл, новое звучание – еще один вариант репрезентации конфликтности художественного мышления. К примеру, интересен поиск поэтом адекватного слова в строках: «Сегодня ж песенный венок, / Жизнь, у твоих разутых ног / Кладу, ни капли не жалея» («Уральским поэтам»). Здесь очевиден базовый фразеологизм: «бросить к ногам». Однако введение в устойчивое сочетание нового слова («разутых») возвращает компонентам первичное значение. Происходит персонификация: жизнь олицетворена в образе человека, женщины, «с разутыми ногами».

В творчестве А. Кунгурцева реализуется несколько способов усвоения языковой и литературной традиции: переосмысление устойчивых оборотов, фразеологизмов, игра с читательскими ожиданиями и даже с внутренней формой слова: «И плещет радио – волной» («Весенняя ночь»). Очевидно, что поэт тяготеет к переосмыслению канонов и штампов, к литературной игре.

В этом же параграфе рассматривается тема поэта и поэзии в творчестве А. Кунгурцева. Уже на раннем этапе творческой биографии в стихотворении «Мы, селькоры» (1924) А. Кунгурцев стремится рассказать о своем понимании творческого процесса: рождение поэзии – вдохновение и радость творчества. В более поздних текстах эта тема разрешается иначе: творчество – олицетворение страдания и даже «болезни». Предназначение поэта (традиция русской

культуры), в том числе и уральского, – пророческая миссия: «Поэтам дан закон – / Жизнь чувствовать вперед, / Чем тем, / Которые сердцами немые» («Уральским поэтам»). Желание быть поэтом рассматривается в одном ряду с общечеловеческими ценностями жизни, поэтому успех в творчестве сопрягается с успехом в житейском понимании. Творчество провинциального поэта призвано служить преобразованию родного края: «Чтоб под метельным завываньем / Смог край наш ласкою расцвести» – или: «Миру принести о ней такие песни, / Каких еще не слышал человек». Стремление сказать *свое* слово порождает желание найти *своего* читателя, который узнает в созданном образе родной край – *свой* край. «Но когда-нибудь и нас отметят / И в родной читальне пропоют», – заявляет поэт, и это стремление быть прочитанным, услышанным именно на родине выдает в нем русского поэта, поэта Места, определенной территории России.

Третья глава «Творчество Антона Кунгурцева в литературном контексте 1920-х гг.» посвящена рассмотрению основных актуальных для творчества поэта историко-литературных контекстов. В **первом параграфе «Лирика А. Кунгурцева в контексте советской поэзии 1920-х годов»** раскрываются контекстные связи творчества тюменского поэта и русской, пролетарской, а также новокрестьянской поэзии. Влияние поэзии Сергея Есенина заметно в кунгурцевской лирике природы на уровне тем, мотивов, образности и т.д. Ярko проявляется оно и в колористических мотивах. Исследователи говорят о неповторимой цветовой палитре Есенина, который с помощью трех основных цветов – красного, синего и желтого – сумел передать многообразие и красоту русского мира. Эти же три цвета доминируют в пейзажах А. Кунгурцева. Кроме красного, желтого, синего, а также белого, в его текстах не встречается никаких других цветов. Желтый, синий и красный у А. Кунгурцева выступают постоянными и доминирующими признаками русской природы: желтый – луна, поле, осень; красный – рябина, закат; синий – глаза, небо: «С неба бодрящая просинь / Льется в березовый тын. / Здравствуй, хорошая осень, / С прелестью красных рябин!» («Осенняя тема»). «Слово»

С.Есенина отчетливо звучит в стихотворении. Но взаимоотношения С. Есенина и А. Кунгурцева трудно свести к модели «учитель – ученик» или «талант – эпитгон». Некоторые строки А. Кунгурцева – прямая полемика с С. Есениным. Например, начало стихотворения «Рябина»: «Кто о клене, а я о рябине». Или: «С неба бодрящая просинь / Льется в березовый тын» («Осенняя тема»). К традиционно есенинскому бессуффиксному слову (синь – просинь) добавляется нехарактерный эпитет: «бодрящая». Ср.: стихотворение «Старому другу», которое можно рассмотреть в качестве оппозиции к есенинскому «Сорокоусту»: А. Кунгурцев пытается найти гармонию в отношениях города и деревни, что для С. Есенина невозможно. И нам кажется, что этот спор А. Кунгурцева с Есениным вызван страхом обвинения в подражательности, признанием неоригинальности его творчества, который знаком каждому провинциальному автору.

На пролетарские стихи А. Кунгурцева заметное влияние оказали молодые комсомольские поэты –А. Жаров, М. Светлов, А. Безыменский и др., в 1920-е годы продолжавшие романтическую традицию русской литературы, претерпевшей за короткий промежуток времени (с 1917 по 1925-30 гг.) серьезную эволюцию: от революционно-романтических баллад Н. Тихонова, героизирующих события гражданской войны, до пролетарского романтизма комсомольских поэтов, «поющих славу» социалистическому труду. Однако творчество этой группы поэтов не всегда отличалось пафосом воспевания нового мира. Гражданская война закончилась, и вдруг обнаружилось, что для человека «нового мира» остаются важны прежние идеалы: семейный очаг, любовь, родная природа. В итоге в некоторых произведениях комсомольских поэтов А. Жарова, И.Уткина и др. воссоздается конфликт между требованиями эпохи и собственными эстетическими и нравственными установками художника.

Во *втором параграфе* «Лирика А. Кунгурцева в региональном поэтическом контексте» литературный процесс 1920-х годов рассматривается на материале стихотворений, опубликованных в периодических изданиях

разных городов Урала и сибирского Зауралья: Свердловска, Тюмени, Перми, Челябинска, Тобольска. Основная задача данного раздела – определить место лирики А. Кунгурцева в контексте творчества его современников-земляков. Вслед за победой Красной Армии в жизнь региона пришли новые поэты, авторы пролетарской лирики; их основными темами были: революция и гражданская война, восстановление разрушенного хозяйства, труд, антицерковная тематика, положение женщины и т.д.

К середине и особенно к концу 1920-х годов на страницах региональных газет тема революции и гражданской войны сменяется темой строительства нового мира (при этом разрушение старого мира по-прежнему героизируется). Вторая же тенденция – бытийно-онтологическая – представлена большим количеством стихов о деревне, о крестьянском труде. Доля таких стихов в конце 1920-х годов по сравнению с их началом заметно возрастает.

Однако при этом образ края: города, деревни и уральской земли – в произведениях таких поэтов, как Н. Койнов, П. Шмаков, Л. Нечаянный, П. Дружинин, – часто лишен местного колорита, регионального своеобразия. И город, и деревня выступают, с одной стороны, как некий усредненный образ, где на первое место выходят не внешние отличия, а функция объекта; с другой стороны, и город, и земля наделяются некими чертами «идеального города» либо «идеальной деревни», «идеального края» в рамках соответствующей модели мира: пролетарско-романтической или онтологической, «почвенной».

Мотив тоски по поводу утраты органичной связи с родным краем и невозможности обретения внутренней гармонии звучит во многих стихах уральских поэтов 1920-х годов. Так, в стихотворении Ф. Зубарева «Здравствуй, Пермь» (1927) герой, возвращаясь в свой край, одновременно узнает и не узнает родную землю: «Но постой, ты выглядишь другою, / Ты цветешь, зарытая в снегу, / Жаль, что я, воспитанный тобою, / Вновь цвести с тобою не смогу». «Я» субъекта оказывается вне циклического времени деревни и природы: он больше не участвует в круговороте умираний и обновлений, время становится линейно, лишается жизненных связей с родной землей. Видимо, это

– та цена, которую провинциальному поэту приходится платить за возможность творческой свободы.

Поэты Урала и сибирского Зауралья вступают в диалог друг с другом. Так, стихотворение Антона Кунгурцева «За деревней» имеет посвящение: «Неверову-Степняку». А. Неверов – свердловский поэт, соратник А. Кунгурцева по литературной организации. Стихотворение – своеобразный ответ А. Неверову, создавшему строки: «Что не услышу уж я больше / Той песни милой и простой». Лирический субъект А. Кунгурцева словно пытается возратить своему собеседнику способность видеть красоту природы, чувствовать родной край: «Спит сосна, раскинув над дорогой / В длинных ветках солнце и покой. / Проходи же мимо и не трогай / Ты ее взволнованной рукой». В этих строках читается и волнение от встречи с родной природой, и способность лирического «Я» созерцать мир, ничего не требуя взамен. Лирический субъект стихотворения А. Неверова, напротив, ждет от природы каких-то действий, повторения той «песни поля», что он слышал в детстве. В финальной строке стихотворения А. Кунгурцева край предстает подлинным субъектом, земля сильнее человека, и лирический субъект это осознает: «Смотрит бор глазами земляники: / И в него не хочешь, – да зайдешь». Природа в стихотворении персонифицируется: бор «смотрит», вглядывается в человека. Метафорическая интенция включает в себя последовательное олицетворение: от «спит сосна» – до «смотрит бор».

Мотивы противостояния идеологически директивным способам отражения мира – ценностным приоритетам национальной русской традиции можно обнаружить и в творчестве Н. Койнова, П. Шмакова, П. Дружинина, однако лишь в поэзии Антона Кунгурцева в полный голос проговорен конфликт авторского сознания провинциального поэта.

Следует отметить, что в начале 1930-х годов из-за начавшихся постоянных «чисток» и, как следствие, сокращения членов писательских организаций число публикаций произведений местных авторов на страницах

газет начинает уменьшаться. 1920-е годы, таким образом, представляют собой период расцвета уральской поэзии и поэзии сибирского Зауралья.

Уральская поэзия двадцатых годов XX века – интереснейшая страница русской литературы. Многие поэты остались в своем времени, но важно и значимо, чтобы они были известны сегодняшнему и будущему читателю. Поэзия региона, безусловно, нуждается в дальнейшем изучении: открытии новых имен и художественных текстов. **Третий параграф** «*Между фольклором и литературой*» посвящен рассмотрению творчества Антона Кунгурцева в контексте искусства художественного «примитива», текстов, создающихся на границе литературы и фольклора. Такой подход позволяет увидеть еще один вариант реализации конфликтности художественного мышления тюменского поэта. Первоначально в науке концепция возникла применительно к живописи, однако в дальнейшем распространилась и на другие сферы искусства. Важное отличие от фольклора заключается в том, что художественный «примитив» – принципиально открытая система, своеобразно преломляющая и впитывающая все, что предлагает ей классика; фольклор же – система традиционная, одни и те же элементы воспроизводятся в нем из поколения в поколение. В рамках искусства «примитива», наивного искусства могут создаваться достаточно разные и по содержательной, и по функциональной направленности произведения. Однако наиболее яркими творцами такого рода литературы являются крестьянские и новокрестьянские поэты – непосредственные носители и выразители народного мировоззрения.

Основания для рассмотрения творчества А. Кунгурцева в ряду авторов художественного «примитива» во многом дает биография поэта. Первые 20 лет своей жизни он провел в родной деревне, принимая активное участие во всех событиях сельской жизни, впитывая «фольклорную почву». Затем, после революции, он переехал в Тюмень и стал журналистом, а позднее и заведующим культсектором газеты «Красное знамя». В этот период А. Кунгурцев не только участвовал в культурной жизни города, но и много читал, активно осмысляя текущий общерусский и уральский литературный процесс.

В стихах Антона Кунгурцева поэтика «текста-примитива» проступает с разной степенью интенсивности. К числу важных признаков идейно-эстетического порядка относится качественная неоднородность написанного автором, а также функциональное многообразие форм. В творчестве А. Кунгурцева элементы наивного искусства наиболее ярко проявляются в лирике природы. Кстати, выбор жанра «пейзажного стихотворения» поэтами художественного «примитива» свидетельствует о влиянии на их творчество литературной традиции, поскольку фольклор как таковой не использует пейзажные описания, природа в нем всегда персонифицирована.

В стихотворениях А. Кунгурцева соотношение пространственных и временных лексем примерно 5:1. Такой тип хронотопа характерен для текстов, относящихся к художественному «примитиву». Преобладание пространственных элементов над временными берет свое начало из фольклорной традиции, где нет представления о линейном времени, оно циклично и подчинено определенному ритму. Присутствует в творчестве А. Кунгурцева и другой признак фольклорного мировосприятия, отражающийся в творчестве поэтов художественного «примитива»: антропологизация природных явлений. Например, строки «Улыбается цветами / Полногрудая земля» – отсылка к традиционному «Мать сыра земля», а стихотворение «Рябина» посвящено последовательному раскрытию образа рябины-девушки, ждущей жениха.

Концепция художественного «примитива» позволяет по-новому раскрыть конфликт между «центростремительными силами» Места и «центробежными стремлениями» творческой личности (поэта). Автор «примитива», как и провинциальный автор, творит под влиянием двух противоположно направленных векторов. С одной стороны, это стремление писателя занять свое место в «большой литературе» (характерное для обоих типов творческой личности), с другой – влияние Места как почвы (для провинциального автора) или фольклора как почвы (для автора «примитива»). На творчество Антона Кунгурцева действуют все перечисленные «силы», поэтому его лирика и

рассматривается в работе на пересечении нескольких контекстов традиций «провинциальной литературы» и литературы «примитива».

В **Заключении** подводятся итоги исследования, намечаются его перспективы. В частности, говорится о том, что конфликтность художественного мышления проявляет себя на всех уровнях структуры произведений А. Кунгурцева и в то же время преодолевается поэтом в опыте жизни и опыте творчества.

Основные положения диссертации нашли отражение в следующих публикациях автора:

Публикации в изданиях, рекомендованных Министерством образования и науки РФ

1. Сеницына С.Ю. Стилевые искания провинциального поэта (на материале лирики Антона Кунгурцева) // Вестник Тюменского государственного университета. № 1. История. Филология. Тюмень, 2009. С. 156–160.

Другие публикации:

2. Рогачева Н.А., Сеницына С.Ю. О месте поэта...: случай Антона Кунгурцева // Филологический дискурс: Вестник филологического факультета ТюмГУ. № 5. Тюмень, 2006. С. 91–103.
3. Сеницына С.Ю. Случай Антона Кунгурцева: судьба провинциального поэта // Лучшие выпускные квалификационные работы 2006 года: Сборник статей на основе лучших выпускных квалификационных работ. Ч. 4: Гуманитарное направление. Тюмень, 2007. С. 3–13.
4. Сеницына С.Ю. Творчество Антона Кунгурцева: судьба провинциального поэта // Сборник материалов регионального конкурса студенческих научных работ 2006 года. Тюмень, 2006. С. 102–105.
5. Сеницына С.Ю. Редакционная политика тюменской газеты «Красное знамя» в 1920-е годы // Региональный литературный ландшафт в русской

- перспективе: Сборник научных статей / Отв. ред. Е.Н. Эртнер. Тюмень, 2008. С. 370–376.
6. Сеницына С.Ю. Провинциальный поэт: два вектора влияния (о конфликтности в творчестве провинциального автора на материале лирики А. Кунгурцева) // Духовные основы славянской культуры в народном сознании поколений: Материалы 32-й Всероссийской научной конференции. Тюмень, 2009. С. 214–216.
 7. Сеницына С.Ю. Творчество Антона Кунгурцева сквозь призму искусства «примитива» // Литература Урала: история и современность (сборник статей). Вып. 5. Екатеринбург, 2010. С. 348–357.
 8. Сеницына С.Ю. Поэзия Антона Кунгурцева сквозь призму концепции искусства «примитива» // Художественная литература, критика и публицистика в системе духовной культуры. Вып. 7. Тюмень, 2010. С. 356–365.
 9. Рогачева Н.А., Медведев А.А., Драчева С.О., Кельметр Э.В., Паутов В.В., Сеницына С.Ю., Худякова Н.А., Глухова К.В. Сибирь в русской поэзии XVIII – XX вв.: пространственный образ в свете исторической поэтики. База данных [Электронный ресурс]. Свидетельство о государственной регистрации № 2011620866 от 07.12.11) // URL: <http://russlit.utmn.ru/sec/156> (дата обращения: 19.02.2012).